

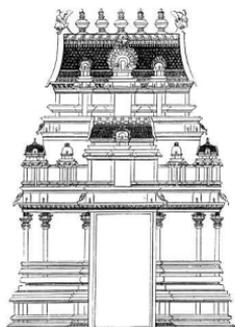


Владимир Эрман
Эдуард Темкин

—

Махабхарата

Три великих сказания
Древней Индии



Москва
2024

УДК 398.2(540)
ББК 82.3(5Инд)-6
Э80

Оформление обложки *Степана Костецкого*

В коллаже на обложке использована иллюстрация:
RAJESHBHAI / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Э80 **Эрман, Владимир Гансович.**
Махабхарата. Три великих сказания Древней Индии / Владимир Эрман, Эдуард Темкин. — Москва : Эксмо, 2024. — 672 с.

ISBN 978-5-04-203992-8

«Махабхарата» и «Рамаяна» — важнейшие памятники древнеиндийского творчества. Авторы настоящего издания, подобно Н. А. Куну с его «Мифами Древней Греции», сделали литературное переложение эпоса, облекли его в прозаическую форму и адаптировали для современных читателей.

Книга начинается со «Сказания о Раме» — захватывающей истории о похищении прекрасной Ситы ужасным Раваной, повелителем ракшасов. Рама вместе с войском обезьян отправляется на поиски возлюбленной, преодолевая различные препятствия, возникающие на их пути.

«Сказание о Кришне» повествует о земной жизни воплощения Вишну. Жестокому царю Канса была предсказана смерть от руки восьмого сына своей сестры. Чудом Кришна остается в живых. С малых лет он поражает окружающих своей силой и ловкостью. Подобно хитроумному Одиссею, Кришна побеждает своих врагов.

УДК 398.2(540)
ББК 82.3(5Инд)-6

ISBN 978-5-04-203992-8

© Эрман В. Г., наследник, 2024
© Темкин Э. Н., наследник, 2024
© Мелихов А. В., наследник, иллюстрации.
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

На заре своей истории народ создает сказания о героях. В них он запечатлевает свое самосознание и свои идеалы. В этих сказаниях, преломленных сквозь призму художественной фантазии, отражаются представления древних о мироздании. Воспоминания о действительных исторических событиях и лицах сочетаются в них и сливаются воедино с мифологическими темами и образами, порожденными еще первобытным мышлением. Но, знаменуя выход из первобытного состояния, из подчинения слепой власти природы, в них уже явственно звучит вера в могущество человека, в его торжество над темными силами зла и хаоса.

Из народных сказаний складывается героический эпос; истоки его лежат еще в «дохудожественном» периоде, а с него, можно сказать, и начинается собственно история литературы. В нем — начало всего дальнейшего развития художественного творчества: его образы и сюжеты на протяжении веков питают литературу и искусство, на протяжении веков они живут в памяти народа.

Бессмертные гомеровские поэмы открывают ранний период истории античной литературы. Ее позднейшие памятники несут следы их влияния. И спустя века после заката античной культуры образы и сюжеты древнегреческого эпоса восстают из забвения, обогащая литературу и искусство народов Европы в Новое время. Аналогична в истории культуры народов Востока и роль грандиозных памятников древнеиндийского эпического творчества — «Махабхараты» и «Рамаяны». Их художественное содержание, запечат-

ленные в них идеи и образы принадлежат не одной эпохе и не одной стране — на протяжении многих столетий они оказывают воздействие на развитие индийских литератур; влияние их распространяется и за пределы Индии. Уже в раннее Средневековье они проникают в Тибет и Китай; в особенной же степени влияние «Махабхараты» и «Рамаяны» сказывается на развитии эпической поэзии стран Юго-Восточной Азии. И если обращение к памятникам европейской художественной культуры начиная с эпохи Возрождения предполагает определенное знакомство с образами античной мифологии и содержанием гомеровского эпоса, то и в литературе и искусстве многих стран Востока в равной степени далеко не всегда и не все можно понять, не зная содержания знаменитых древнеиндийских эпоей.

«Илиада» и «Одиссея», доступные читающей публике уже не первое столетие в многочисленных переводах, издавна широко известны у нас и на Западе. Знакомство с индийским эпосом в Европе начинается позже и донине остается гораздо менее полным. На европейские языки переводились в основном лишь отдельные части и эпизоды из «Махабхараты» и «Рамаяны». Полные переводы «Махабхараты» существуют только на английском языке, но они фактически рассчитаны на узкий круг читателей, специально интересующихся текстом памятника, и далеки от художественных целей. Стихотворный перевод «Рамаяны» на английский язык появился еще в конце прошлого века, но и он не привлек к себе внимания широкого читателя.

Причина тому не в недостатке интереса к индийскому эпосу в Европе и не в художественном несовершенстве существующих переводов, но скорее в литературном своеобразии самих памятников, весьма отличных от известных нам классических эпоей Древней Греции. Мы называем памятники древнеиндийского эпоса поэмами, но определение это в значительной степени условно. Особенно это относится к «Махабхарате», которая очень далека от того, что мы понимаем обычно под эпической поэмой. Прежде всего поражают самые размеры памятника: «Махабхарата» заключает в себе около 100 000 двустиший, т. е. на-

много превосходит «Илиаду» и «Одиссею», вместе взятые. Кроме того, содержание ее чрезвычайно разнообразно, и собственно героический эпос, сказание о великой битве, переплетается в ней со множеством произведений, иногда совершенно самостоятельных, иногда лишь косвенно связанных с основным сюжетом. Это произведения эпического, мифологического, сказочного, дидактического, религиозно-философского, юридического, исторического содержания, и среди них зачастую совершенно теряется нить центрального повествования. В частности, в «Махабхарату» включены знаменитые поэмы «Сказание о Нале» («Наль и Дамаянти»), «Сказание о Савитри», самостоятельная версия эпоса «Рамаяны», ряд философских поэм.

Знаменательно, что и в самой древнеиндийской традиции «Махабхарата» не считается поэмой. Она обозначается термином «итихаса», т. е. «история», — предполагается, что она излагает действительные события минувших времен. По широте и разносторонности охваченного в ней круга тем «Махабхарата» у некоторых современных исследователей заслужила наименование «энциклопедии» древнеиндийской жизни.

Гораздо ближе нашему пониманию эпической поэмы «Рамаяна», и сами древние индийцы называли ее «адикавья» — «первой поэмой». В значительно большей степени, чем «Махабхарата», она сохранила единство содержания и отличается большей композиционной стройностью. Но и этот памятник достигает огромных размеров, хотя и намного уступает «Махабхарате» (всего около 24 000 двустиший), и он также включает разнородный материал, не имеющий прямого отношения к основному эпическому сюжету.

Естественно, что полный текст обоих памятников в наше время представляет интерес главным образом для ученых, специально занимающихся проблемами истории и культуры Древней Индии. Для широкого читателя он покажется слишком утомительным и далеким от того, что принято рассматривать как памятник художественной литературы.

Содержание «Махабхараты» разнообразно и разнородно не только по тематике. Составляющие его компоненты

принадлежат различным эпохам, ибо складывался этот грандиозный свод на протяжении многих столетий. Есть основания предполагать, что составившая его ядро поэма о великой битве, построенная на древних героических сказаниях и песнях, возникла уже в середине I тысячелетия до н. э., но окончательный вид, в котором она дошла до нас, вобрав в себя обширное богатство литературного творчества последующих эпох, «Махабхарата» приняла, вероятно, только к IV–V вв. н. э. Трудно найти в истории мировой литературы подобный пример памятника, создававшегося в продолжение тысячелетия.

О «Махабхарате» можно говорить не как об отдельном литературном памятнике, а как о целой литературе. В то же время ее нельзя рассматривать как случайное собрание разнородных произведений. При всей громоздкости и видимой хаотичности композиции «Махабхарата» обладает определенным единством — разнообразное содержание ее сплавляется воедино некоей внутренней общей художественной и идеологической тенденцией.

В течение веков «Махабхарата», переходя из поколения в поколение, существовала в устной традиции. В устной же традиции она вбирала в себя все новые и новые дополнения, и каждая эпоха вносила в нее свой вклад, превращая ее во всеобъемлющий свод. Но все разновременные и разнохарактерные элементы, из которых складывалась «Махабхарата», нивелировались в ее тексте, передаваемом из поколения в поколение, вследствие устно-поэтической передачи, и выявить их в окончательной редакции памятника, дошедшей до нас, чрезвычайно трудно.

В свое время среди исследователей «Махабхараты» определились два главных направления. Сторонники одного из них, так называемого «аналитического», ориентировались преимущественно на историю текста и основной своей целью считали выявление первоначального ядра памятника, т. е. текста того древнего эпоса, вокруг которого постепенно наслаивался материал последующих столетий. Сторонники другого, «синтетического», направления решительно возражали против того, чтобы рассматривать «Махабхарату»

как собрание самостоятельных разнородных текстов, подлежащее расчленению и очищению от наносного материала, и подчеркивали в своих работах органическое единство составляющих ее элементов, требуя подхода к этому памятнику как к единому произведению, в том виде, в котором он до нас дошел.

Все попытки «аналитиков» реконструировать героическую поэму, древнейшую версию «Махабхараты», не имели успеха, а сами методы критики книжного текста, которыми пользовались эти ученые, оказались неприменимы к памятнику устно-поэтической традиции. Неразрешимость задачи, поставленной приверженцами «аналитического» направления, становится теперь совершенно очевидной в свете современных исследований специфики устно-поэтического текста. Не вызывает сомнений и ошибочность постулата «синтетического» направления об органическом единстве содержания «Махабхараты» в целом. В то же время должно признать, что это чрезвычайно своеобразное и богатое содержанием произведение действительно не только далеко от привычного нам понятия поэмы, но едва ли подходит и под самое определение героического эпоса, так как при всем существующем разнообразии его форм оно не похоже на другие его памятники, игравшие ту роль в истории культуры народа, о которой говорилось выше.

И не только обилие инкорпорированного в ткань сказания побочного материала определяет это своеобразие. Сказывается оно и не в самом факте сплава в «Махабхарате» героической эпики с так называемой дидактикой — и в других эпических памятниках мы находим значительные разделы дидактического содержания, естественно сочетающиеся с нарративным материалом. Особенность «Махабхараты» заключается в том, что как цельное произведение она окончательно сложилась через много веков после того, как миновала так называемая «героическая эпоха», т. е. уже в иных исторических условиях и в иной среде по сравнению с другими памятниками устного эпоса или ее же первоначальной версией, ныне безвозвратно для нас утраченной. Между тем эта первоначальная версия, несомненно, суще-

ствовала, и об этом имеются свидетельства в самом тексте. Но очевидно, что сюжет и образы этого древнейшего эпоса, составившего костяк грандиозного свода, в окончательной «редакции» «Махабхараты» приобрели новые черты, наполнились иным содержанием, получили новый смысл, существенно отличный от того, какой они могли иметь в памятнике героической поэзии народа той далекой эпохи.

Издавна исследователями «Махабхараты» отмечалась известная противоречивость содержания памятников, выходящая за рамки обычных текстуальных противоречий, свойственных произведениям, складывавшимся вне письменной традиции. Отчетливее всего эта противоречивость проявляется в центральной части эпоса — в описании великой битвы на поле Куру, где сошлись войска враждующих царских родов: Кауравов и Пандавов. Если на протяжении всего предыдущего повествования Пандавы выступают как герои божественного происхождения, воплощающие положительный идеал эпопеи, и подчеркнуто противопоставляются злодеям Кауравам, возглавляемым завистливым и коварным Дурьодханой, то в сценах битвы картина неожиданно меняется: одолеть в честном бою отважных вождей неприятельского войска Пандавы не могут и одерживают победу, лишь прибегая к уловкам, мало совместимым с кодексом воинской морали. Это противоречие бросается в глаза даже при поверхностном знакомстве с содержанием «Махабхараты», и в свое время оно побудило некоторых сторонников аналитического направления выдвинуть так называемую гипотезу инверсии, согласно которой в первоначальной версии сочувствие певца было на стороне Кауравов и поэма представляла собой трагическую песнь о битве, в которой отважные герои пали жертвой низкого коварства врагов.

Центральное сказание «Махабхараты», очевидно, основывается на историческом прошлом народа; битва на Курuksetре, как полагают, действительно происходила между серединой X и началом IX в. до н. э. Нам трудно судить теперь об истинном значении этого исторического события и его масштабах. Но очевидно, что эпическую «Великую

битву потомков Бхараты», давшую название памятнику (так расшифровывается «Mahabliarata [yuddha] »), следует рассматривать как обобщение целой эпохи в ранней истории Индии, главным содержанием которой были межплеменные войны, предшествовавшие созданию крупных рабовладельческих государств на западе Гангской долины, борьба за гегемонию в Северной Индии между консолидировавшимися тогда в народности племенами куру и панчалов. Некоторые исследователи полагают, что в основе сюжета эпоса лежит конфликт между куру и панчалами, в котором союзниками последних выступили иноплеменные пришельцы с севера, представители некоей неарийской (возможно, монголоидной) народности Гималаев; они-то и послужили прототипами образов Пандавов в «Махабхарате». Борьба закончилась поражением куру.

Косвенные указания на неарийское происхождение Пандавов видят, в частности, в обычае полиандрии, который, согласно тексту «Махабхараты», принадлежал их роду (пятеро братьев женятся на царевне панчалов Драупади), но который явно идет вразрез с моральными нормами брахманистского общества; в самом значении их имени: Pandu — «желтый» (в тексте толкуется как «бледный») и т. п. Если это предположение справедливо, оно подкрепляет гипотезу инверсии — изначально героический эпос мог сложиться именно на основе преданий о борьбе с иноземными врагами.

Однако едва ли сейчас что-либо может подтвердить достаточно убедительно эти предположения. Как было отмечено, реконструировать начальную версию эпоса уже невозможно, и когда мы говорим о «Махабхарате», великой эпопее Древней Индии, мы имеем в виду тот окончательный текст ее, который дошел до наших дней. В этом произведении Пандавы выступают как кровные родичи Кауравов, ведущие происхождение от общего с ними легендарного предка Бхараты, и недвусмысленно утверждается их право на власть над страной, из-за которой в эпосе и разворачивается борьба; победа Пандавов показана как торжество справедливости. Противоречие, упомянутое выше, снимается в дидактических частях «Махабхараты», где действия

Пандавов оправдываются именно тем, что совершаются они во имя дхармы — закона священной справедливости, которым живет и сохраняется вселенная. Идейный смысл канонической «Махабхараты» раскрывается в «Бхагавадгите», религиозно-философской поэме, входящей в состав памятника. Исследователи и интерпретаторы, ставящие во главу угла единство содержания «Махабхараты», рассматривают эту поэму как ее идейное ядро. Проповедь бескорыстного служения долгу вкладывается в «Бхагавадгиту» в уста Кришны, друга и союзника Пандавов, выступающего здесь как земное воплощение высшего божества — Вишну; она сочетается с теистическим учением, которое впоследствии легло в основу доктрины вишнуизма.

«Бхагавадгита» («Песнь Господа») становится священной книгой вишнуизма — вместе с другими дидактическими текстами «Махабхараты» она придает древнему сказанию совершенно особый характер, далекий от духа героической эпики, а вся «Махабхарата» почитается в индуизме священным текстом, рассматривается как памятник религиозной литературы. Но своеобразие этого памятника заключается именно в том, что древний эпос в нем все же сохраняет присущие ему черты, не уничтожаемые чуждой ему религиозной моралью позднейшей эпохи. «Махабхарата» — это и священная книга, и героический эпос в рамках единого свода, одно существует в другом и сочетается с ним, не лишаясь внутренней самостоятельности.

Героический эпос «Махабхараты» относится, очевидно, к тем сводам сказаний, которые складывались, когда исторические события, давшие основу их содержанию, уже ушли в далекое прошлое и давно отгремела борьба племен и народностей, в них отраженная. В таких памятниках противоборствующие силы изображаются с «эпической» объективностью; певец равно превозносит могущество и отвагу Ахилла и Гектора, Арджуны и Карпы, Рустама и Исфандияра. В равно бесстрастных тонах описываются и победа Ахилла над Гектором, одержанная в честном бою, и отнюдь не героическое деяние Арджуны, нанесшего удар беззащитному врагу. В «Махабхарате» столь же бесстрастно певец

отдает должное и коварному злодею Дурьодхане, отважно сражающемуся до последнего вздоха с грозным врагом. Нравственная оценка поступков героев принадлежит уже другой эпохе, далекой от идеала героического века, создавшего эти образы.

Описанию великой битвы в «Махабхарате» предшествует религиозная проповедь «Бхагавадгиты», оправдывающая вступление Пандавов в войну во имя высшей справедливости; завершается оно знаменитым «Плачем женщин на поле Куру», представляющим собой один из замечательнейших памятников древнеиндийской поэзии; самая выразительная его часть — «Жалоба Гандхари», матери погибших героев, которая проклинает братоубийственную войну и того, кто произносит упомянутую проповедь перед сражением. Но в «Махабхарате» не осуждаются ни Гандхари, ни Кришна, объективная правота как бы признается и той и другой стороной; в ней равно заключаются воззрения, современному читателю представляющиеся непримиримо противоречивыми, но не воспринимавшиеся так ее создателями. В этом — особенность, характерная не только для «Махабхараты», но в известной мере и для древнеиндийской культуры в целом. В ее историческом развитии новые идеи и представления идут на смену старым, оттесняя их с господствующих позиций в общественном сознании, но не отрицая их окончательно и не зачеркивая; элементы архаических идеологий, рожденные эпохами, ушедшими в прошлое, продолжают жить века, вплетаясь в новые идеологические системы и мирно уживаясь с принципами нового мировоззрения. Отсюда — характерный консерватизм этой культуры, отличающий ее, в частности, от более динамичной в развитии своем культуры античного мира.

Древнее эпическое сказание, дошедшее до нас в каноническом своде «Махабхараты», претерпело, без сомнения, определенные изменения; мы уже отмечали, что восстановить его в исконном виде невозможно. Но эпос сохранил свои образы, свои основные сюжетные линии и героический дух изначального сказания. Сюжету и образам основного сказания «Махабхараты» свойствен несомненный

драматизм (он отражается и в композиции ее, в диалого-монологической форме ее построения). Характеры его — не схематичное воплощение признанных добродетелей или пороков (как видят их некоторые исследователи): они наделены живыми чертами, обрисованы ярко и сильно. Рассудительный Юдхиштхира, буйный нравом и мстительный Бхимасена, отважный и высокомерный Арджуна, хитроумный Кришна — главные герои стана Пандавов противопоставлены своим антагонистам: благородному Карне, завистливому и коварному Дурьодхане, лукавому Шакуни, жестокому Ашватхаману. Все это яркие, истинно эпические характеры, сильные и цельные, словно высеченные из камня. Замечателен образ Драупади, отнюдь не робкой и покорной супруги Пандавов, но женщины нрава сурового и энергичного, нередко решительно повелевающей своими пятью мужьями. Весьма живое впечатление производит в эпосе старый царь Дхритараштра, слабый и безвольный, легко поддающийся чужому влиянию, — на него возлагает «Махабхарата» немалую долю ответственности за трагедию гибельной войны.

В необъятном своде «Махабхараты» запечатлелись черты эволюции духовной жизни и миропонимания древнего общества на протяжении многих столетий. Другой великий эпос Древней Индии, «Рамаяна», как упоминалось, намного уступает «Махабхарате» в объеме, отличается большей цельностью содержания. Это обусловлено в какой-то мере и тем, что время его сложения охватывает значительно менее продолжительный период. Но и он исчисляется не одним столетием. Древняя поэма о Раме создана была, по-видимому, позднее, чем первоначальная версия эпоса о Кауравах и Пандавах, предположительно в III или II в. до н. э. Окончательная редакция «Рамаяны» должна датироваться несколькими веками позже, но все же временем более ранним, как полагают, чем полный свод «Махабхараты». Время сложения «Рамаяны» уместается, таким образом, внутри хронологических рамок создания «Махабхараты».

Оба эпоса существенно отличны один от другого, и не только объемом и цельностью содержания. Сказание о ве-

ликой битве сложилось, очевидно, на западе Гангской долины, т. е. на той территории, где развернулись некогда исторические события, в нем отразившиеся. Сказание о Рамае принадлежит востоку Индии. Здесь, в среднем течении Ганга, в середине I тысячелетия до н. э. образовались крупные рабовладельческие государства, которые в IV в. до н. э. составляли ядро первого объединения Индии (под властью династии Маурьев). Здесь созрели условия для создания второго великого эпоса Древней Индии, знаменовавшего этот исторический подъем могущества древнеиндийского государства и расцвет новой, более высокой культуры.

Сюжет героического сказания «Махабхараты» основывается на межплеменном конфликте. Историческое прошлое народа находит свое отражение и в «Рамаяне»; в то же время эпос «Махабхараты» насыщен мифологическими мотивами. Но сюжет «Рамаяны» более определенно восходит к мифу, а именно к земледельческому мифу, объясняющему смену времен года (тема временной смерти и последующего воскрешения или похищения и возвращения возлюбленной героя — сравни греческий миф об Орфее и Евридике и др.), и в этом отношении можно говорить о большей его архаичности по сравнению с «Махабхаратой». И в древнеиндийской легендарной традиции время действия «Рамаяны» относится к более древней эпохе, чем война Кауравов и Пандавов; Рама, царь мифической Солнечной династии, представляет поколение более раннее, чем отпрыски Лунной династии, герои «Махабхараты». Между тем поэма о Рамае, как мы отметили, моложе сказания о битве на Курuksetре, и в ней отразилась новая эпоха и новая, более высокая культура.

Как и «Махабхарата», «Рамаяна» сложилась и переходила из поколения в поколение в устной традиции. Оба эпоса, очевидно, только относительно поздно были записаны и подверглись определенному редактированию уже в традиции письменной. Однако, хотя стиль «Рамаяны» носит те же следы устно-поэтической традиции, в нем обнаруживаются новые черты, не свойственные «Махабхарате». Система художественных средств здесь значительно более